

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

СК

ПРЕДАННЯ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия пред. выдача.

34(2Рос-4Кем-2Бер)
М 69

Юрий Михайлов

ПРЕДАНИЯ

Стихи

СКМБК

Кетерово, 2011 г.

РПЯ «Ректайтс»

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

-163059-Δ

ББК 84.3.Р7

Мих 69

Михайлов Юрий Михайлович

Предания: стихи

Ю.М. Михайлов. Кемерово:

Ректаймс, 2011. – 91 стр.

© Ю. Михайлов

© СП

Через огненный путь

Юрий Михайлов — имя известное читателю. Работает в литературе много лет, автор нескольких книг стихотворений.

Человек во всех его бесчисленных измерениях, любовь и ненависть, природа, история, просто жизнь — предметы стихотворных исследований Михайлова.

Юрий немало экспериментирует. Написал в стихах целую повесть, состоящую из двестишестидесяти, и издал ее. Эксперименты встречаются и в этой книге.

Книга интонационно и ритмически разнообразна. Автор не замыкается в ямбах и хореях, пишет всеми размерами русского стихосложения. Мастеровит. Уровень качества стихотворений — вполне профессиональный.

А если и не всегда удастся преодолеть сопротивление материала, коим является слово, порой не подчиняющееся воле

автора, то, должен заметить, что это случается и с авторами, которых принято считать мэтрами. Мастерство – это такое человеческое богатство, которое наживается всю жизнь. Иными словами: учиться никогда не поздно, и нет пределов совершенству.

На Россию упала звезда –
Обновлялись земля и вода.
И во всем через огненный путь
Обновлялась российская суть.

Так чувствует и видит Юрий Михайлов.
И так говорит в своей книге, которой я хочу
пожелать успеха на пути к читателю.

Иосиф Куралов,
член Союза писателей России.

БОГАТЫРСКИЕ ПЕСНИ

I

— Где ты бродишь,
мой конь белогривый,
В скольких росах
омыл ты бока?
Ты слетел
серой птицей с обрыва
И унёс
от врагов седока.
По степи мы неслись,
словно ветер.
Зря над всадником
ворон кружил.
И должник твой
на этом я свете.
Волю вольную
ты заслужил.
Ну а если
опять почернеет
Даль степная —
приволье твоё,

Ты оставь
кобылиц поскорее,
Знай, изострены
Меч и копье.
Станем в поле
отчаянным смерчем,
Обратим вражьи полчища
в пыль.
И в пределах чужих
будет смертью
Им дышать
даже смятый ковыль.

II

— А я буду ночевать
на лугу.
В душном доме я уснуть
не могу.
Головою лягу в пряны
цветы,

Чтоб приснилась мне красивая
ты.

Принакроюсь я травой
луговой,

Чтобы слышать шёпот ласковый
твой...

А ногами в серый камень
упрусь —

С того камня начинается
Русь.

III

— Ворон, мой спутник,
да будешь ты сыт:

Сильный, жестокий
противник грозит.

Правда — за нами,
и смерть не страшит:

Пламень небесный
пролился на щит.

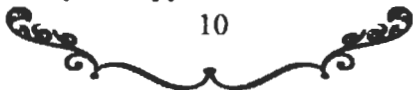
Шлемы — долой!
Брони старые — с плеч!
Нынче себя
не придётся беречь.
Конь мой бессменный,
ты ярых кровей —
Пришлую тьму
разметай по траве!
Меч мой,
не раз послужил ты Руси.
Горним огнём
вражью силу рази!
Скорби рекою
быть вдовьим слезам.
Враг мой,
меня потревожил ты сам.
К бою, так к бою.
Вот ты, и вот я.
Поле — свидетель,
а Небо — судья!

IV

Волки были с вечера
По увалам встреченным.
Зорко глядя, вороны
Не летели в сторону.
Утром, с злыми тайнами,
Мчались галки стаями...
К полдню туча чёрная
Скрыла пламя горнее.
На отряды дружные
И ряды кольчужные
С воинами зрелыми
Дождь пролился стрелами.
Из степи взъерошенной
Налетели коршуны.
День-деньской их сдерживал
Полк самоотверженный.
С верою-надёгою,
Пали вои многие.
Ослабев на треть в сечи,
Отступили русичи.

Но лишился крепости
Враг в победной слепости...

V

От холмов, где ал закат,
Стаей витязи летят.
Копья долги, горячи,
Под зарёй искрят мечи.
Каждый всадник обнажён,
Будто божий воин он.
Жжёт огнём суровый взгляд —
Ни сомнений, ни преград.
Миг — и ужаса полна
Чужеродная волна.
Степь от возгласов дрожит.
Миг ещё — и враг бежит...

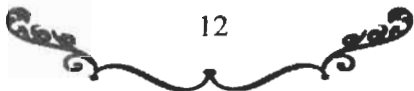
VI

Чёрны вороны,
рано граете

И на пир зверей
собираете:
Весь изрубленный
и израненный,
Я живой ещё —
В Небо рано мне.
От чужих холмов,
мера путь степной,
Унесут меня
до земли родной.
Через семь ручьёв
и сосновый бор
Град откроется,
будет княжий двор.
И слетит ко мне
голубицею
Лада нежная,
светлолица,
И прольёт слезу
на чело моё.
И взойдёт во мне
солнце новое.

ПЕТР И ФЕВРОНЬЯ
МУРОМСКИЕ

БОЯРЕ И ПЕТР

— Что ты, княже, взял простолодуинку?
Или нет девиц в родах боярских?
Может, на лице Февроньи краски
Ярче, чем у ложкарей на рынке?
Жёны с нами поругались ныне.
И ответить им не смеем веско.
Можно ли, чтоб лебедями дерзко
Управляла серая гусыня?
— Вы, бояре, больно говорливы...
Языки бы вам связать узлами.
Так почто не в силах сладить сами
С жёнами, что бесятся ревниво?
А Февронья не сера — неправда.
Сам заметил, зыркаете грешно,
Стан её, как у берёзки вешней,
Примечая. Нет стройнее Лады.
И умом она боярынь многих
Превзошла. А что проста
в привычках, —

Пух наивный... Оперится птичка,
Будет мне в правлении подмогой.
И не жить мне без неё на свете:
Хворь во мне она лишь укрощает.
Иль никто из вас о том не знает?
То-то и оно... Я вам ответил!

ФЕВРОНЯ И ПЕТР

— Князь мой милый, голубь мой
сердешный,
Слышу разговоры за спиною.
Если очень трудно быть со мною,
Ты скажи мне — я уйду поспешно.
А лечить тебя и так я стану.
Позовёшь — все язвы молча смажу
И перекрещу. Губами даже
Не притронусь к усмирённым
ранам.
Птица в небе завсегда и свищет,
Радуюсь восходу солнца, свету,

Рассылая по лугам приветы,
Потому что большего не ищет...
— Что ты, что ты... Вера между нами.
Не терзай мне сердце. Грех — сомненье.
Ты дана мне Богом во спасенье.
Мы с тобою венчаны во храме.
А боярынь дерзость — не преграда.
Их гордыня гложет — это ясно.
Пусть мозолят языки напрасно.
Ты мне любя, ты моя отрада!
Ты теперь во всём, что есть родного:
В роднике твои услышу речи,
В поле с ветром твой привет я
встречу...
Ничего не надо мне иного.

БОЯРЕ И ФЕВРОНЯ

— Не по родовитости, Февронья,
Нам с тобою говорить о важном.
С князем говорили неоднократно,

Только болен он тобою ноне.
Из чего свои готовишь мази?
В чём твоя невиданная сила?
Уж не колдовством ли ты прельстила
Нашего доверчивого князя?
Как с тобой расстаться, он не знает.
Ну тогда сама покинь наш Муром.
В городе с тобою стало хмуро:
Смута простолюдыя назревает.
Возомнила чернь, что может спорить,
Осуждать боярские приказы.
Ты причина этакой заразы.
Без тебя совсем не знали горя...
Вот и жёны наши взбеленились.
Не хотят с тобой за стол садиться.
Полно те княгинею рядиться.
Уезжай отселя, сделай милость.
– Сладок мёд, да только

пчелки жалят.

И иного ждать от них не стоит.

-163059-

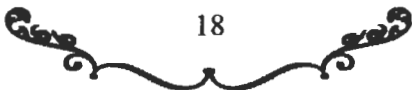
ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ
БЕСПЛОТЧЕВАЯ СИСТЕМА
Г. ПЕРМЬ

Платье для трудов ловчей простое.
Родины ветра теплее шали.
Ну а травы силою целебной
Наделил Господь. Я, христианка,
Ведаю о том и язвы, ранки
Заживлять могу по воле Неба.
Но насильно мил не будешь всё же.
Я навек покину Муром, если,
Побожась, мне отдадите с честью
То, что для меня всего дороже.
— Слава Богу, так-то будет лучше.
Забирай с собою то, что хочешь.
Бог — свидетель. Пусть ослепнут очи,
Если договор с тобой нарушим.

БОЯРЕ И ПЕТР

— Князь, решай, ответа ждут вельможи,
Ведь Февронья не меха собольи
И не злато хочет взят с собою —
Только то, что ей всего дороже.

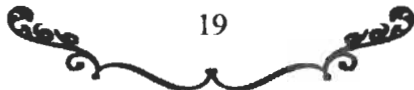

А дороже, как сказала давче,
Ей супруг, что дан веленьем Божиим.
Выбору противиться не можем:
Поклялися в том — нельзя иначе.
— Что же думать тут... Я еду с нею.
Без неё лучиною сгораю.
Мне она — жена и мать вторая,
Лекарь и сиделка — всех роднее...
От меня наместника не будет:
Временщик любой подобен вору.
Как отбуду, вам решать собором
И добром, за кем тут будут люди.

ПЕТР И ФЕВРОНЯ

— За долами Муром, за холмами.
Сердце давит, нету мне покоя.
И пары седые над рекою,
Как судьба моя, играют с нами.
Вёдро будет или непогода?

Вот и Бог что скажет, как
представлюсь:
Бросил крест свой, выбрал вольный
парус,
Не достоин княжеского рода?..
Что там своевольные бояре,
От меня избавившись, затеют,
Что там в головах у них созреет?
Чую сердцем смутный запах гари.
Как мне быть, Февроньюшка,
что делать?
Ты одна мой верный друг по жизни,
Ты все знаки видишь. Подскажи мне,
Долго ли мириться с сим уделом?
– Не кручинься, мой супруг усталый –
Сердца моего любовь, отрада.
На судах твоих всё так, как надо.
Берег их хранит до зорьки алой...
Бог – заступник наш, хоть мы и нищи.

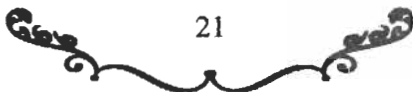

Видишь тот дрючок, прямой, как
спица,
Поварами торкнутый в землю
В прошлый вечер для готовки пищи?
Ветка проросла на нём живая
И листок смолистый развернулся.
Это знак нам — Отче улыбнулся.
Перемена ждёт тебя большая...

МУРОМЦЫ И ПЕТР

— Князь, отец наш, Богом молим,
просим:
Возвращайтесь с Февроньей в Муром.
Поднялася в нём большая буря
И кровавые пылают росы.
Обезумели совсем бояре.
Похвалялись родом, будто дети,
На княженье муромское метя.
А потом и задрались в угаре.
За мечи схватились да за пики,

Молодцов для битвы снарядили.
Много люду сдуру погубили,
И кругом разор теперь великий.
Вдовы воют, как волчицы в поле...
Посекли бояре и друг друга.
Кто из ихнего остался круга,
Как и мы, и любят вас, и молят.
Мы Февронию в град зовём княгиней,
Жёны наши будут ей покорны.
В Муроме – отеческие корни:
Твой он, князь. И мы твои отныне...
– Эх, бояре... С корысти ослепли.
Ни людей, ни родины не жалко.
То ли солнце им горит нежарко,
То ли речки пересохли в пекле?
Все б им жить обманом да побором,
Доволя народ до исступленья,
Учиняя пагубу да тленье,
На соседа глядя татем, вором.

Мало что ль оброчного народа
И живот подводит с голодухи?
Так не надо наводить порухи,
Заселяйте землю, ждите плода.
И луга наполнятся стадами,
Будут нивы шелковы, как небо,
А амбары будут полны хлеба...
Мы вернёмся в Муром. Отче – с нами.

1.07.10.

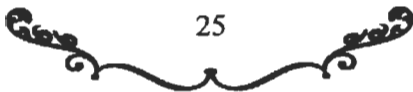

I

Пусть умчат меня ветра
в град Ростов.
Там сиянье, словно встарь,
куполов,
И озёра, как глаза
у земли,
Видят лик Его
в небесной дали.
Там холмы,
что ветхих сказов древней,
Как шеломы
чудо-богатырей.
Там костёр походных зорь
не потух
И живёт славянский
праведный дух.

II

Мне пять лет,
и мне суровый

снится сон. На высоте
Иоанна Богослова
я — распятие на кресте.

Вижу:

каменные стены
то рассветны, то грустны,
то, как стражи лет степенны,
то грозой раздражены,
храмов выцветшие двóры
и обвисшие крыла,
тень Успенского собора,
тихие колокола.

Вниз кричу фигурам мрачным:

«Вы, бредущие в миру,
поднимите взор, иначе
в одиночестве умру»...

Вещий сон:

всю жизнь я буду —
на тревожной высоте,
веря, что услышат люди,
крик мой в тщетной суете.

III

В тихих Вариницах
алеет восток...
У боярыни
родился сынок.
Нарекли
Варфоломеем его.
Русь не ведала о нём
ничего.
От гордыни распухали
князья.
И татарина грозней
было Я.
Истерзала россов
княжья вражда.
Ну какая в ней
народу нужда?
Что там молвить —
нет нужды никакой.
Да ещё и от татар
непокой.

Ноги нехристям
изволь целовать.
Стонет Русь.
Она ужели не мать?
Жизнь под ворогом —
одна маета.
Кто бы милости спросил
у Христа...
Рано сердцем вызрел
Варфоломей
И слышал стон
земли и людей.
Долго в пустоши
молился за всех
Больно тяжек
падших русичей грех,
Но тяжка
и вековая беда...
И обрёл он
имя Сергей тогда.

Чему быть,
его узрели глаза:
Вновь на Русь идёт
большая гроза.
И сошлись князья,
пред старцем смирясь.
И увёл на Дон всю рать
Дмитрий-князь.
Были стрелы у ордынцев
остры,
Но святились
руссов души-костры
И не гасли там,
где рати дрались,
Воспаряли с словом Сергия
ввысь.

IV

Ростов Великий...
Святые лики

На перекрёстках,
среди дворов.
Их не окликнуть,
и все привыкли
Не замечать их,
как древний ров,
Как вал старинный
поры былинной,
И камень белый
кремлёвских стен,
И в бездне синей
бессмертье линий
Славянской веры,
и грязь измен.
Ростов на Нёрле,
как узел нервов...
Идёт сражение
с ордой слепцов,
С глухим неверьем
в духовность эры,

В наказы древних,
как Нерль, отцов.

V

Над озером Неро́
всѣ храмы да церква́.
Как неба благодать,
живая синева.
Бегут, бегут огни
по куполам вдали.
Соединились в них
свет неба, соль земли.
И как хранитель уз,
таинственных мостов
стоит, спасая Русь,
Великий град Ростов.

20. 06. 08.

СЛАВОМУ ГОРОДУ
ТОМСКУ

* * *

По весеннему вздохнула
Воскресенская гора.
Вербным цветом, бодрым гулом
Оживляется с утра.

Звон чудесный, благовестный
Над чредой старинных крыш.
Песню радости воскресной
Просвистел скворец-черныш.

Пробудились жизни соки
В тополях преклонных лет.
А над церковью высокой
Вс' ясней струится свет.

* * *

Воскресенская церковь
звала, не спала.
И звенели тревожные
колокола.

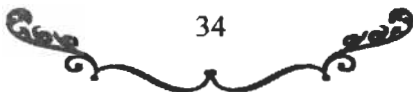

Вся округа молилась
за правую рать,
За детей, что ушли
под Москву умирать.

И познал басурман,
бог огня и штыков,
Ярый дух и отчаянья
томских полков.

Отразились в мертвеющих
взглядах врагов
И таёжная даль,
и суровость снегов,

И алтайская степь,
и кузнецкий рудник.
Вражий стяг
на Раевских высотах поник.

Изодрали хваленый французский
мундир.

Томцы насмерть стояли —
и Бог им, и мир!

* * *

Не все, друзья, с царями просто...
Был Федор царственного роста.
И так же был ещё не стар,
Как император Александр
Благословенный, что в азарте
Загнал на остров Бонапарте
И конституции хотел.
Вдруг, отойдя от грешных дел,
Под полотняною рубахой
Скрывался царь от лжи и страха
Гореть в аду за смерть отца
И кровь из царского венца.
Вдруг старец, весь пропахший воском
И ставший праведником томским,
И есть тот самый государь,

Запомнивший столицы гарь,
Моливший Сергия святого
Помочь спасти Россию снова.
А что? И царь – не только лоск.
Коль совесть есть, сведёт и в Томск.
И со свечей, и без свечи
Благословенны томичи.

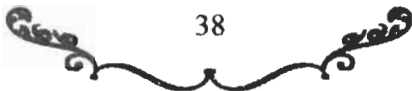
РОДНЫЕ

Где вы, тётки, дядьки, братья
Белорусской стороны?
Развели нас по полатам
Три вождя былой страны.

Вот судьба... Полены горше.
А умели дружно жить.
Аня с Валею из Орши
Приезжали погостить.

Белолицы, чернобровы
И осанкой хороши.
Их встречали в доме новом
Сладким праздником души.

Чаем с чагою поили
И из крынки молоком,
А потом в тайгу водили,
Где весна казалась сном.

И ещё жива надежда,
Что, пройдя судьбы излом,
Соберемся мы как прежде
За одним большим столом.

КОРИН

Из деревни Бабичи
Полродни моей,
В Белоруси-матушке
Ветвь моих корней.

Мамина фамилия —
Белорусская.
Погнала дедов в Сибирь
Доля узкая.

Безземелье и нужда
Сняли с печеньки.
Приютила всех в тайге
Яя-реченька.

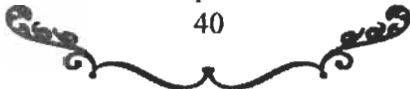
На свободном берегу
Между елями
С царской помощью навек
И осели мы.

Бароновка

Где чреду отвалов
Лес берет в полон,
Мыл с ордой удалой
Золото барон.

Муть согнала Яя,
Испарилась слизь,
И пришла иная,
Хуторская, жизнь.

Мчит по водным гребням
Звездная шуга.
Дружные деревни
Помнят берега.

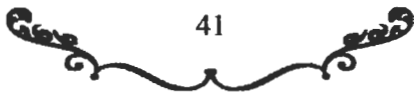
Пахнут травы горько,
И цветы пестрят.
Под весёлой горкой –
Яйский пережат.

Жарясь в пекле лета
До сверчков в мозгу,
Здесь ловили дети
Майкой мелюзгу.

А на горке бровкой –
Ельник молодой.
Там была Бароновка.
Ей поклон земной.

ДЕРЕВНЯ

Белорусы расселились,
Обретя покой и кров.
Окна в избах засветились,
Как зрачки полных сов.

Вечер долгий при лучине
Легче с песней коротать
И с брехнёй о чертовщине —
Любо девок попугать.

Чуть поскрипывают прялки,
Девы юные бледны.
А в оконце смотрит жалко
Одинокий лик луны.

Круглый хлеб укрыт на полке,
В русской печке зреют щи.
А в округе — ветер только,
Хоть пойди и посвищи.

Вечерка

Узкоглазые избушки
На высоком берегу.
Сарафанные подружки
Собралися на лугу.

Парни ходят недалече,
Примечая, чья пришла...
Просто так не взять за плечи —
Строги нравы у села.

Как узнает мать невесты,
Что разбаловалась дочь,
Отстегает девку честно,
С глаз своих погонит прочь...

Ухажёры осторожны,
Но смелеют под гармонь.
Вот теперь и вызвать можно
Ту, что в сердце, как огонь.

ПОМОЩНИК

На светлой речонке
Был хутор Ерпак.
Там стежки теперь
Не отыщет рыбак.

На хуторе этом
Жил прадед Степан,
Бог каверзных пчѣлок,
Седой старикан.

Акации жѣлтой
Гудели шары.
Под чѣрною маской –
Беда от жары.

Откинута сетка,
Капели с лица...
Помощник Степана
Похож на отца,

Похож на меня.
Стало быть, это он...
Мир божий в глазах,
Весел, юн и влюблѣн.

КОЛДУНЫ

Вкруг селения Невского
Бродят люди приезжие.
Не блатные, не дерзкие –
Работяги прилежные.

Но расставили колышки
И поляны попортили.
– Ай, не вышло бы горюшка
От ученого фортеля, –

Говорили усталые
Старички на завалинке.
– Ты бы, Миша, узнал у них,
Что «катают за валенки».

И мой будущий батюшка
Подался к изыскателям:
– Что колдуете рядышком,
Что покос изнохратили?

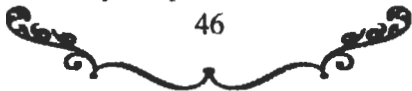
Улыбнулись рабочие:
— Ищем нефть, не смородину,
И людей, что охочие
Дело делать для Родины.

Свет дадим сельским жителям.
— Коль не черти вы лысые, —
Молвил батя решительно, —
Так в команду записывай...

ЛИХО

Было, было лихо.
От фронтов вдали
Жили сёла тихо:
Мужики ушли.

Мама поспешала
На лесоповал.
Ребятишек малых
Луг кормил, ласкал:

В огороде пусто —
Всё ещё цвело,
А морковник вкусный
Звал их за село.

За речной сыпучкой,
Где цветёт чабрец,
Рвали дети пучки:
Голод — не отец.

Батя с немцем бился
В дальнем далеке,
И туман клубился
Дымом по реке.

СЧА

Осень... Не до грусти:
Все в дыму густом.
Немец в Беларуси
Сжѐг последний дом.

Прадеды седые
Ждут с зарёй суда —
Витязи родные
Явятся сюда.
В Горловской дружине
К ним спешит отец,
Вспорет брюхо псине
И прольёт свинец.
Города и сёла
Встанут на золе,
Будет жизнь весёлой
На святой земле.

РАДОСТЬ

Галка в страхе к мамке мчится
И кричит ей на ходу:
— В огороде, где пшеница,
Наш сосед лежит в бреду.

Он катается, смеётся,
Причитает как во сне.
Мать в ответ: — Спасать придётся,
Ведь контужен на войне.

Подскочила с всхлипом, стоном,
Побежала: — Где он, где?!
А сосед, Сергей Антонов,
Пыль метёт на борозде.

— Что случилось, что с тобою?
— Ой, соседка, не могу...
Всё, покончили с войною,
Мир пришёл, капут врагу!

Обнялись: — Ура, Сережа!
Слёзы радости — не срам...
А в деревне, милый Боже,
Песни, песни по дворам.

БРАТИНА

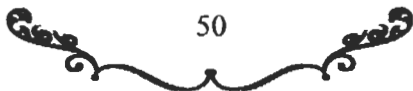
Ой вы, братья, белорусы,
Будьте стойки и тверды.
Что нам времени укусы,
Мы сильнее любой беды.

Через смутных дней валежник,
Неухоженную новь
Вырастает древом прежним
Наша братская любовь.

Что нам денежная тина,
Карантина веселей,
Возле братины старинной...
Так налей вина полней.

Выпьем, братья, за единство,
Чтобы в сердце не потух
В суматохе нови льдистой
Заревой славянский дух!

15. 01. 11.

ОБ ОТЦАХ-ИСКАТЕЛЯХ
БЫЛННА

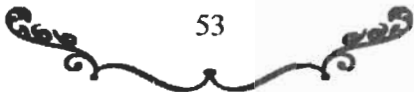
I

На святой Руси
вечно строили.
Топоры стучали
проворные.
Песню плотничью
«Ай ли, ой ли!»
Часто слышали
выси горние.
Из лесов
над речной подковою
Поднимались дымы
куражливо.
Люди жизнь начинали
новую
После лиха
набега вражьего.
Возрождали землю
общиною.
Врозь перстами
горя не выгрести.

И светилась
в песне лучиною
Чужакам не понятная
грусть Руси.
И всходила в песне
заря-краса,
И неслись к заре
кони быстрые.
И судьба,
недавно крива, коса,
Помогала
нов терем выстроить.
Да и выстоять
в глубине снегов,
Прокормиться
зверьем и травами,
Чтобы солнышко
улыбнулось вновь
Над полями,
вчера кровавыми.

II

Как с войны последней,
жестокой, злой,
Воротился
родимый батюшка,
Так и начал ставить,
растя семьёй,
Дом высокий
с тайгою рядышком.
Разливался в округе
пихтовый дух,
И слезала кора
смолистая
Со стволов дебелых,
пока не тух
Солнца луч
за грядой ворсистую.
И ложились
к вершинам комлями
Брёвна белые,
запашистые,

III

Рос посёлок на взгорье
ёлочном.
Разрасталась община
искателей.
От рассвета
до чёрной полночи
Те искатели
землю лопатили,
И под нею
скалу буравили,
Ворон-камень
ища неистово.
Уважали
таёжное правило:
Жить тесней,
чтобы сердце не выстыло,
Чтоб не вымерзнуть
в стужу лютую,
А в распутицу
не запутаться

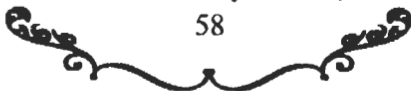
И не кануть
в беспамятство мутное,
И скользить по судьбе,
как утица.
А народ работящ
и отважен был.
Что ему
путь-дороги таёжные,
Если он
фронтавыми хаживал,
Чуя жадную смертушку
кожею.
Не сникал он
в тайге промороженной
И глубины земли
прощупывал...
И не лез в тайгу
с пьяной рожею, —
Не прощала тайга
шутки глупые.

IV

От мороза тепляк
пощёлкивал,
Месяц ясный
лукаво подмигивал.
То казался платочком
шёлковым,
То тепло отпугнувшей
фигою.
А когда снега
непроглядные
Вдруг наваливались
сонной пеною,
Исчезали
дороги ладные,
И оказывались
люди пленными.
Но гудели станки
простуженно,
Оживляли их руки
усталые,

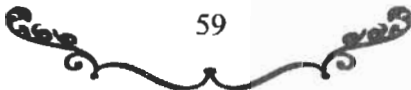

И стонали трубы
натуженно,
В недра врезываясь
грубой сталью.
Как работали прежде,
теперь уже
Не увидишь нигде
в жизни нынешней.
Сохраню это в памяти
бережной,
Как легенду,
живую, не книжную.

V

Люди жили тайгой,
словно песнею,
А не случаем,
чтоб прославиться,
Очищали в ней сердце
от плесени,
Обожали её –
красавицу.

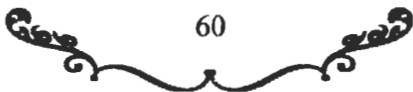
Раз пошёл отец
днём весенним в лес,
Чтоб сменить на работе
товарища.

Ароматом трав
пропитался весь,
От цветов разомлел
дурманных.

И упал он в них,
и услышал птиц,
Свет узрел большой
и всю жизнь свою.

Хорошо-то как —
счастью нет границ.

А зарыть могли
в гору лысую,
В гору, бомбами
всю изрытую.
Ни цветка на ней,
ни травиночки.

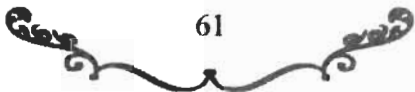

Но спасла судьба,
 чтоб открыть ему
Все дороженьки,
 все тропиночки.
И запел отец
 не в полголоса,
Так, чтоб слышали
 небо да ельники:
«А мне тётки, дядья —
 над рекой леса,
А мне солнце да ветер —
 брательники».

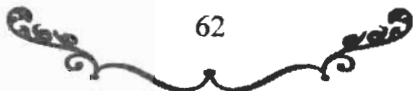
VI

Так с той песней
 дошёл до поляны он.
Мастер встретил
 речью холодною:
«Не пушу к станку
 тебя пьяного:

Видел, как
 валялся колодою».
Отвечал отец:
 «Я не водкой пьян,
Пьян весною этой
 мгновенною.
Разве знал когда
 ты во мне изъян,
Напиваться свиньёй
 перед сменою?».
Мастер выслушал
 чёрным вороном:
«Ни к чему мне твои
 отговорочки».
Но товарищи
 встряли вовремя:
«Что шумите,
 закурим махорочки...
Аль не чуешь ты,
 мастер «вежливый»,

От него нет душка
 заклятого.
Пахнет он медуницей
 свежею,
Одуванчиком горьким,
 мятою».
Мастер стал остывать:
 «Егозы вы:
Всё одно, пьян от водки,
 леса ли...».
«Похмелиться б кваском
 берёзовым», —
Пошутил отец,
 глядя весело.

VII

В другой раз домой
 поспешал отец.
Было лето,
 ядренное, доброе.

В небе плавился
 золотой венец...
Шёл отец,
 спелы ягоды пробовал
Да свистел под нос...
 О привычке сей
Прибаутки ходили
 хитрые:
Мол, свистеть привык,
 когда пас гусей
И когда ждал «гостей»
 От Гитлера.
Мол, его уже
 не проймёшь ничем:
Хоть закапывай,
 хоть с горы спусти,
Хоть пои весь день
 во хмельном ключе,
Хоть топи его,
 всё одно свистит...

С легким посвистом
 долго шёл отец,
Из ложка поднялся
 на горочку,
А на горке той —
 по малине спец
В тёмно-бурой дохе
 с иголки.
Увидал отец, —
 зверь в пяти шагах,
Да и замер,
 совсем как статуя,
Шутка что ль,
 среди леса притихшего
Встретить чудище,
 сплошь мохнатое.

У медведя
 своё удивление:

Человече пред ним,
страх творящее.
«Стерегись его,
в том спасение», —
Подказала вдруг
память пращура.
А отец уже
и опомнился,
Заговаривать стал
медведище:
— Не с дурным я явился
помыслом,
И не твой на тропе
я след ищу.
Уходи в чащобу
хозяйничать,
На пути-то не стой
разбойником,
Веселись,
пока тут тайга ничья,

Скоро будет здесь
стройка бойкая.
Не по нраву тебе,
таёжный страж,
Наступленье
на тёмны ельнички,
Гарь машинная,
шум извечный наш.
Извиняй,
потесним маленечко.
Тут и свистнул отец
отчаянно.
Зашумела тайга,
заохала,
Полыхнула елань
иван-чайная,
И холмы отозвались
сполохами.
Расступился пихтач
взлохмаченный.

Рявкнул зверь
да и в лапник бросился.
А во след ему:
«Будь с удачею,
Пусть медами ложатся
росы все!».

VIII

Ох, нелёгко был
труд искателя,
День и ночь кипела
работушка.
Недра ревностно
уголь прятали:
Уж такая у них
заботушка.
В тепляке ревел
буровой станок.
Мастер клял за твердь
чёрта лысого.

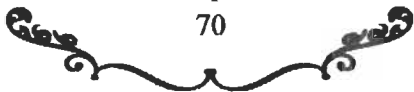
А в углу корпел
 всех пород знаток:
Керн осматривал
 да описывал.
Уплывала в синь
 мачта дерзкая.
Да не с парусом, —
 с пуком чёрных труб.
И дразнил её,
 как подвескою,
Смоляною шишкой
 кедровый чуб.
Шелестел в траве
 бурундук-шустряк,
Собирал в запас
 спелы зёрнышки.
Стороною лось
 обходил тепляк.
Охрой красило
 листья солнышко.

IX

И работал искатель,
и праздновал
Широко,
как река весенняя.
Собирался люд,
нрава разного,
За одним столом
без стеснения,
Пиво пил, песни пел
разливные.
И на песни те
разудалые
Отзывались
просторы дивные,
Дали светлые,
ветры шалые.
Так гуляли все
до синь-вечера,
Развеселые
и серьёзные,

Все селились навек
без робости.
И рожали с зимы
до осени.
Ой как весело было
под крышами:
Подрастало
завтра курносое,
Темно-русое,
светлое, рыжее.
К миру знаний рвалось
огромному,
Спортом тешилось
до испарины.
Ночью бредило
космодромами
И летало во сне
с Гагариным.
А когда
над лесными космами

Проявились копры
шахтовые,
Увлеклось оно
ближним космосом,
Гулом тяжких недр,
тайной новою.
Тайной,
мглою веков завешанной
И седыми отцами
завещанной.

ожидание

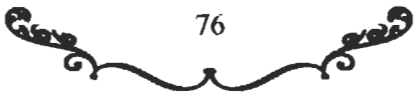
В тихом Приуралье
 древний есть погост.
И стоит там посох
 высотой до звёзд.
Медью окольцован
 и внизу подбит.
В посохе высоком —
 огненный магнит.
Всех, кто сердцем светел,
 тот магнит зовёт,
Чтобы возродился
 легендарный род.
Этому лишь роду
 посохом владеть,
Знать дорогу к звёздам
 и отринуть смерть.
Лишь ему понятна
 огненная суть,
Только он откроет
 к свету прежний путь...

Ждёт владельца посох
 много тысяч лет
Там, где род великий
 свой оставил след,
Там, где медь струилась
 существом живым
И лежал ковчегом
 город Аркаим.

знамение

Раздвоились небеса,
и ударил гром.
Пали древние леса
на сто вёрст кругом.
Пролилась огня река,
и потом три дня
Серебрились облака
от того огня.
Что же это?.. До сих пор
не поймет народ,

Был ли то небес укор
иль наоборот,
Ангел землю посетил
или Сатана.
Кто бы ни был —
Час пробил:
Началась война.
Шла полвека на Руси
среди кровавых луж,
Испарила три росы —
миллионы душ.
В зыбках снова им кричать —
душ бессмертна нить —
Чтобы вновь войну начать
иль остановить...
Ясновидцы ждут с небес
нового огня.
Затаился русский лес
на пороге Дня...

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

На Россию упала звезда -
Обновлялись земля и вода,
И во всём через огненный путь
Обновлялась российская суть.
В неуёмном горниле страстей
Отгорали иконы идей,
Перемешивались времена
И сословия, и племена.
Смял огонь деревянную Русь
И её песнопевную грусть.
Утончённых художеств парад
Поглотил обожженный квадрат.
Минул век... то, что вышло, грешно.
Знать, другое родиться должно.

Аркаим. Аэроъёмка.

Аркаим. Укреплённое поселение ариев в южном Приуралье. Эпоха бронзы XVIII-XVI вв. до н. э.

Аркаим. Гора Шаманка. Фото Юрия Светлакова.

Аркаим. Реставрация стен поселения.
Фото Юрия Светлакова.

Аркаим. Идут раскопки.

Такими были медеплавильные печи Аркаима.

Реконструкция лиц жителей
Аркаима по останкам.
Они были индоевропейцами.

БЕСПАМЯТСТВО

Юродствуя в богатстве
И вопия о братстве,
Шли по стезе огня.
Истлевшее обличье
С гербом двуглаво-птичьим
Страхнула заматня.
Менялись боги, судьи.
Переплавлялись люди,
И жертвам несть числа.
В пылу противоречий
Отдельный человеке —
Трава или зола.
И в родословных ветхих
Следы терялись предков,
Их заповедный дар.
А все, кто род не помнит, —
В чужих упряжках кони,
И рай для них — амбар.

ПЫЛЬ

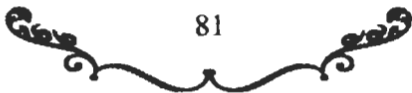
Снежная пыль по России,
снежная пыль.
Долгая песня красива,
горестна была.
Трубы стальные связали
светлый простор,
Соком земли напитали
чудища гор.
Гор рукотворных, смердящих
в сполохах лет
Там, где приветствовал пращур
волю планет.
Чудища пьют эти соки,
сети плетут,
Дух убивают высокий,
выцедив труд.
Души, как дети босые,
кушают гниль...
Снежная пыль по России,
снежная пыль.

ПОКАЯНИЕ

Без Посоха
и наставления Неба
Не раз мы блуждали
во злобе без хлеба.
Не будешь одною
политикой сыг.
Зачем ей одной
милосердье и стыд?
Где выгода правит
землёй и эфиром,
Там нет красоты
и согласия с миром.
Там недра рыдают
и грады чадят
И реки двуногим
мучителям мстят.
Наивно и пагубно
наше всевластье.

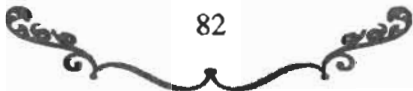

Гармонию мы
 разрываем на части.
Не мы породили,
 не нам и ломать,
Придется молить
 о прощении Мать.

СВЕТОЧИ

Есть в России светочи –
Факелы из ветоши
Выбросьте в окно.
Души лучезарные
Не зальют пожарные –
Светят всё равно.

Замкнутою нишею,
Лжой и пищей нищею
Сдерживают их,
Чтоб в шумихе «правильной»

Голос их неуправленный
Был уныл и тих.
Но в бездушье маетном
Молодость внимает им,
И редет мрак.
В эти дни суровые
Зреют всходы новые.
Бойся, вечный враг.

ВИКТОРИЯ

Малышка милая, расти.
Весь мир теперь в твоей горсти,
Как яркий солнечный снежок.
Огонь любви его зажжёт.
Из бездны лет его несли
Сыны и дочери земли.
В страданиях душа и плоть
Смогли свирепость побороть,
Восстали из глубокой тьмы,

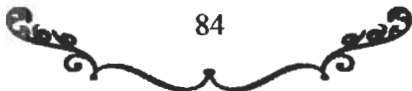

Где войн жестокие дымы.
Летели всадники в степи.
Их кровь звала: не уступи!
Сшибались лавы всех родов,
Ревели миллионы ртов.
И в почве смешивалась кровь.
А на крови цвела любовь,
Цвела безумству вопреки
На русском берегу реки.
И от неё ты родилась.
Её в твоей ручонке власть.

ВИДЕНИЕ

Над долиною скалы,
в долине поток громогласный.
А над ним в белоснежной одежде
высокие люди.
Лица смелые, ум быстрокрылый
во взорах их ясных.

Знать, вопрос судьбоносный решают
на каменных горах.

А за ними, где шире, свободней
речная долина,

Открывается город,
такого на свете не сыщешь.

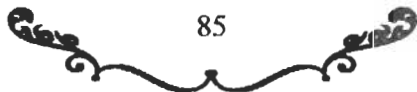
И живут в нём
закрытые чёрною времени тиной
Наши предки.

И я, оказавшись на пепелище,
Их увидел сквозь сон,
словно весть получил неземную

От хранителей памяти
и величайших секретов.

Срок придёт неизбежный,
и будет ответ неминуем,

Кто мы, севера дети,
чьей бережной дланью согреты.

ПОТОК

Я был уже... Жизнь человечья —
Поток, который не объять.
Во сне суровом помню меч я,
Рука сжимает рукоять...
Ещё мне снится: я за плугом
Веду умело борозду
Иль, онемевший от недуга,
С сумой и посохом иду...
И жаждет дух мой единенья
В потоке целостном времён
Как истинного пробужденья...
Но путь ещё не завершен.
И ты, преемник мой курносый,
Героем став грядущих дней,
Прими стихи мои, как посох,
До истины дойти сумей.

ПОСОХ

Мой посох — не дрючок лесной,
Не луч, подаренный луной,
Не витый корень колдуна,
Не речь, премудрости полна,
Не трепетный иконный лик,
Что в сердце мастера возник,
И не языческий болван,
Что предками в наследство дан.
Мой посох — в корне и сучке,
В живом луче и роднике.
Он в языке из мглы веков
И в гордых символах богов.
Мой посох — вера в Млечный мост,
В единство Разума и звезд.

УРА!

Какою выйдет Русь
из третьего котла,
Омывшись в тишине
молочно-звёздной?
Хоралы над Уралом...
Вечер поздний...
На Аркаиме снова —
вече у костра.
Минувшее
вновь оживит беседа.
Пять тысяч лет назад
тут древний город был
По звёздам он вставал,
работал, жил,
По их законам
и ушёл бесследно.
Ничем предгорный край
он не обременил,

СОДЕРЖАНИЕ

Богатырские песни	5
Петр и Февронья муромские	13
Ростов Великий	24
Славному городу Томску	32
Поклон	37
Об отцах-искателях	51
Посох	74

ББК 84.3.Р7
Мих 69

Литературно-художественное издание

Юрий Михайлов

ПРЕДАНИЯ

Стихи

Редактор: И.А. Куралов

Набор текста, компьютерная верстка,
художественное оформление: С.А. Янченко

Иллюстрации на обложке:

Князь Игорь, худ. К. Васильев.

Радуга над Арконой, худ. В. Иванов.

Исход гипербореев, худ. В. Иванов.

Сдано в набор 21.03.2011г.

Подписано к печати 23.03.2011г.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Заказ № 003. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии

РПА «Ректаймс», г. Кемерово,
пр. Советский, 40

Издано по лицензии Союза писателей
Кузбасса ЛР № 030775.

